

Копипаста:Срееру:Следы на снегу — Lurkmore

Хочу рассказать вам историю, которая оставила след в моей жизни — можно сказать, изменила её раз и навсегда.

Два года назад довелось мне работать в сибирских лесах на вахте. Работа заключалась в следующем: один раз в месяц на неделю нас закидывали в глушь примерно в семидесяти километрах от ближайшего населенного пункта, да и тот был глухой деревней с разбитыми покосившимися домами, где проживало от силы двадцать стариков. Мы должны были подготавливать избу и баню для мужиков, те, в свою очередь, три недели в месяц рубили лес. Мы рубили дрова, пополняли запас воды из ближнего ручья, ремонтировали постройки. Работы было непочатый край, а было нас всего двое — я и мой напарник. Такая работа придется не каждому по душе — да, платили хорошо, но все же это была только подработка, и мои напарники часто менялись, уступая эту чертову работу другим. И сейчас я понимаю, что надо было обратить на это внимание...

Так вот, свела меня одна из этих вахт с молодым парнишкой по имени Славка. Высокий, крепкий, типичный такой работяга. Дело было зимой, в декабре. Холода еще не наступили, но подмораживало хорошо, да и снег уже лежал сугробами по колено по всему лесу. Высадил нас водитель у избы и уехал. Работать решили со следующего дня, а пока что освоиться на месте, выпить и поговорить — узнать друг друга. Надо сказать, что Славка не был особо разговорчивым парнем. Вроде толковый, вроде добрый, но все же слушал больше, чем говорил. Мне, честно сказать, такое в людях не нравится. Ну да пусть, не мне судить. Выпили, поговорили, спать вроде как собираться нужно, а он одежду на себя натягивает. Я у него спрашиваю:

— Ты куда собрался на ночь глядя?

— Да прогуляюсь чуток перед сном и приду...

«Странно, ну да ладно», — подумал я, отвернулся и провалился в сон.

Проснулся — еще темно было. Славка меня толкает и говорит:

— Собирайся, работать пора.

Распределив обязанности на двоих, отправились работать. Я должен был вырубить прорубь на ручье, откуда далее черпали воду, а Славка должен был начать рубить дрова.

Я вышел на небольшой ручей шириной метра в четыре. Находился он за пригорком от избы в небольшом ущелье, по обе стороны ручья располагался сосновый лес. Ручей был покрыт толстой коркой льда, и замечательно было то, что тропа была протоптана к нему — иначе идти бы пришлось по сугробам. Слегка заледеневшая прорубь виднелась посреди ручья. Видимо, мужики, напарившись в бане, частенько бегали купаться в этом ручье — потому и тропинка широкая, и прорубь большая, толком не замерзшая. Подрубил я ее топором и, набрав воды в два ведра, отправился к избе.

Славка всю во «дворе» орудовал топором, нарубив уже изрядное количество поленьев. Я уже подумал, что, возможно, мы справимся быстрее, чем за неделю, и даже получится отдохнуть перед отъездом. Наполнив несколько баков полностью, я решил сходить последний раз в этот день за водой, а дальше отдыхать, потому как уже начинались сумерки, а работать по темноте не очень-то и хотелось.

Когда я спустился к ручью, то обратил внимание на такую деталь: к проруби с противоположного берега тянулись следы. Конечно же, сильно удивился, но все же подумал о том, что мог и не заметить этих следов ранее, и что, скорее всего, их оставили мужики со смены — ну мало ли кому и куда понадобилось сходить? А я просто целый день не обращал внимания, всякое бывает.

Успокоил я себя этой мыслью, набрал воды и пошел к избе. Причём так себя убедил, что даже не поинтересовался у Славы — не его ли это следы были. Но, с другой стороны, ему и делать-то у ручья было нечего.

Вечер провели молча, никто ни о чем не разговаривал, каждый занимался своим делом: я читал книгу, а Слава лежал на кровати и молча смотрел в потолок — видимо, о чем-то думал. Перед сном Славка так же, как и в прошлый вечер, начал молча одеваться. Я спросил:

— Опять воздухом дышать пошел?

Он как-то хмуро угукнул и захлопнул за собой дверь.

Не люблю я таких молчаливых и замкнутых людей — а тем более, оставаться с ними наедине в тайге, но ничего уже не попишешь, смену нужно дорабатывать. Я снова погрузился в книгу и не заметил, как прошел час или полтора. Посмотрев на часы, я сильно удивился: неужели он где-то в темноте шарахается по лесу? Куда и зачем он ходит? Подышать воздухом? Но на это уходит от силы минут пятнадцать. Накинув бушлат, я вышел на крыльцо выкурить сигарету, оглядел темный лес. Глаза ни за что не цеплялись — Славка действительно куда-то свалил. Ничего не видно и не слышно вокруг. Я немного

испугался — не заблудился ли он? Но идти искать его не было никакого желания. Я лег спать и снова провалился в сон после тяжелого дня.

Утром меня опять разбудил Слава. Я помялся в кровати и нехотя начал собираться на улицу. На вопрос о том, где же он вчера так долго пропадал, он ответил невнятно: «Гулял». На том и разошлись. Я снова набирал воду, а он все так же рубил дрова.

Уже днём случилось то, что меня насторожило и напугало. Я вновь пошел к ручью за водой и снова обратил внимания на все те же следы. Я думал о них, набирая воду, и случайно упустил ведро из рук — оно ушло ко дну. Сняв бушлат и засучив рукава, я начал обшаривать дно ручья руками. Хорошо, что ручей был мелким — ведро лишь чуть отнесло течением. Через десять минут стараний я все же вытянул его из ручья и начал укутываться в бушлат. Поматерившись, я взял ведра и повернулся, чтобы идти в избу — и тут заметил новые следы. Они шли с того же берега, откуда я приходил, но немножко правее моей тропинки. Следы шли из леса. Их точно не было здесь раньше. Значит, за те десять минут, что я ковырялся с ведром, кто-то вышел из леса, посмотрел на меня и ушел обратно.

Я вглядывался в лес, но ничего не увидел. У меня побежали мурашки по коже; крайне неприятно было осознавать всю эту ситуацию. И единственное, что я мог сделать — это предположить, что приходил Славка.

Я рванул к избе. Слава рубил дрова. Я спросил его, не он ли это был, но он отнекивался и, скорее всего, вообще подумал, что я прикалываюсь над ним. Я его отвел к проруби и показал следы. Мы оба почесали затылки, покурили, порассуждали, но объяснения никакого не нашли. Ведь ближайшая деревня, как я уже писал, была очень далеко от нас, да если бы кто-то и приехал или проезжал мимо, мы не смогли бы не заметить этого — ведь дорога одна. Решили с тех пор ходить по двое, но за водой в этот день уже не отправились, решили покончить с дровами.

Вечер того дня прошел спокойно. Славка в этот раз остался в избе. Скорее всего, ему тоже стало не по себе, и мы сидели весь вечер и рассуждали, откуда же могли взяться эти злополучные следы.

С утра мы работали парой. Первую половину дня таскали воду, вторую — рубили дрова. Большую часть работы мы закончили. Тот день прошел без инцидентов, разве что вечером Славка снова куда-то засобирился, и от мысли, что он опять уйдет в темный лес на несколько часов, чтобы ходить непонятно где по огромным сугробам, мне стало не по себе. Или, может быть, он гуляет по той дороге, что проложена до нашей избы? Но от этого все равно не легче. Да еще и эти следы непонятные...

— Может, все же останешься? Ведь мы так и не поняли, откуда взялись эти следы, — сказал я ему.

— Скоро приду, — буркнул он и вышел за дверь.

В ту ночь он так и не вернулся. Прождав его три или четыре часа, я отчаялся и пошел спать. Выходить в лес и искать его никак не хотелось. Наутро его тоже не было. Я волновался, сильно волновался. Вышел в лес, полдня пытался найти его, но следов так и не увидел. Тогда я подумал, что он все же ушел по накатанной дороге, которая вела в сторону деревни, но, пройдя по ней несколько километров, я никого не нашёл и понял, что сильно устал, так как с утра был на ногах. Взбрела только одна мысль в голову — быть может, он ушел в деревню, да и забухал там?.. Да, мысль была смешная, и быть такого не могло никак, но она меня кое-как утешила, и этого было достаточно. Я ничего не мог сделать — о связи в тайге даже и думать смысла не было. Машина должна была приехать за нами через три дня. Конечно, я понимал, что жизнь человека в опасности, и на всякий случай решил походить вокруг избы еще раз по лесу — может, наткнусь на какие-то следы. Но, осмотрев окрестности, я снова не нашел ни Славика, ни каких-либо его следов. Уже темнело, и я запоздало понял, что мне еще с утра нужно было бежать пешком до деревни и вызвать спасателей. Я решил вернуться в избу, а утром рано встать и выдвинуться в деревню. На подходе к избе у меня появилось тревожное чувство. Голова шла кругом от вопросов без ответа. Что же случилось со Славиком? Куда он ушел? Куда пропал? Откуда эти следы у проруби?..

Я зашёл в избу, растопил печь и начал греться. Через какое-то время из мыслей меня вырвали шаги на улице — кто-то шагал по снегу по направлению к двери.

Я обрадовался как ребенок. С криком: «Славка!» — я подпрыгнул, подбежал к выходу, открыл дверь и высунулся на улицу. И моя радость мгновенно сменилась ужасом.

На ступенях в избу стоял... нет, вряд ли это был человек. Я до сих пор не могу понять, что же тогда встретилось со мной лицом к лицу. Даже в тёплом свете из избы из-за открытой мною двери его лицо было мертвенно-белого цвета. На том месте, где должны были быть глаза, были черные круги-впадины — настолько черные, что мне сначала показалось, что глаз вообще нет. Но, приглядевшись, я увидел две черные бусинки на месте глаз. Но даже эти глаза были не настолько страшными, как его рот: он был огромный, как будто его разрезали ножом от уха до уха. Создавалось такое ощущение, что он скалится в улыбке. Зубы были острыми, как клыки. Он был совершенно лысый, а кожа была такой сморщенной, словно он неделю пробыл в воде. Он был огромного роста, так как стоял на несколько ступеней ниже меня, но его голова находилась выше моей на одну.

Не знаю, сколько длились наши «гляделки» с ним. Мне показалось, что прошла целая вечность, но на деле, скорее всего, это было две, максимум три секунды. Я резко захлопнул дверь и запер ее на замок. В

этот момент за дверью раздался дикий вопль. Я тут же метнулся в угол с гулко бьющимся сердцем, схватив со стола охотничий нож.

Я слышал шаги по снегу — эта тварь ходила вокруг избы. Через несколько минут я уже слышал несколько шагов одновременно: их было двое, а может, и трое. Они ходили кругом. Я сидел, прижавшись спиной к стене, в полной панике. Вдруг в стену кто-то так сильно стукнул, что с полки упала свечка. И в этот же момент кто-то начал стучать в окно. Я упал на пол лицом вниз, до боли сжимая нож в руке — боялся смотреть в окно. Я не хотел видеть это страшное лицо снова.

Не знаю, сколько я так пролежал. Кто-то ходил вокруг дома, стучали в дверь, в стену, в окно... и так продолжалось всю ночь, а я лежал на полу, закрыв лицо руками, и ревел от ужаса. Сейчас мне кажется, что меня хотели просто запугать, потому что они могли разбить окно или попытаться выломать дверь, но ничего из этого не делали, лишь ходили вокруг избы.

Утром все стихло. Но и тогда я не решился выйти на улицу. Мне казалось, что даже если я пойду в деревню, то не успею до темноты. А может, даже дневной свет их не пугал — ведь тогда к проруби, как мне кажется, выходил именно кто-то из них. Я не рискнул уйти в деревню. Три дня я не выходил на улицу и не отпирал дверь. Я боялся. Я не ел эти три дня, но даже не чувствовал голод — только дикий страх. Три дня я боялся выглянуть в окно. Боялся, что за мной не придут, что я так и останусь тут один в лесу. Боялся того, что эти твари опять придут ночью... Но этого не случилось.

Через три дня за мной приехала машина. В ужасном состоянии меня забрали оттуда. Славик был объявлен в розыск, через неделю его нашли волонтеры примерно в 10 километрах от избы в лесу — вернее, нашли то, что от него осталось. Его тело было деформировано. Нет, его не выпотрошили, не съели и не порезали. Он висел на дереве, вернее, застрял там — его тело было растянуто. Сложно даже представить такое, но туловище, руки, ноги и шея были растянуты, как жевательная резинка, которую пожевали и намотали на палец. Глаза были вырваны, и не было нижней челюсти. То, что произошло с его телом, было невыносимо. Я видел фотографии на допросе — ведь именно я был с ним в избе, и именно меня подозревали в первую очередь. Впоследствии причиной смерти Славки назвали неустановленное природное стихийное явление, и дело закрыли.

Я не стал тогда рассказывать о монстрах, которых видел в этом лесу — боялся, что меня просто упекут в дурку. Сказал лишь, что Слава ушел в ночь, и что кто-то ходил вокруг избы, дико меня напугав.

С тех пор моя жизнь перевернулась. Я боюсь всего — боюсь тишины, темноты, леса... Это лицо до сих пор снится мне в кошмарах, и я не могу с этим ничего поделать. Я радуюсь только тому, что не оказался на месте Славы.

- [источник](#)

Читать ещё

- [Камеди-клуб](#)